

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НОВАЯ ГРАММАТИКА СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Абдурахманова Асалхон Бахтиёржон кизи

*студентка Андижанского государственного института иностранных
языков*

направление “Филология и обучение языкам: русский язык”

Научный руководитель: доцент АГИИЯ

Богданович Геннадий Александрович

Аннотация

Статья посвящена феномену намеренного искажения морфологических норм русского языка в интернет-коммуникации. Рассматриваются основные типы грамматических сдвигов, функционирующих в сетевом дискурсе, и предлагается их классификация по коммуникативной функции. Выделены три модели морфологических трансформаций: имитационная, игровая и экспрессивно-редуцирующая. Отдельно анализируются явления регрессивного словоизменения, нулевой флексии, псевдосклонения заимствований и феномена грамматической редупликации. Выдвигается концепция прагматического словоизменения, при котором выбор грамматической формы мотивирован не нормативным требованием, а задачами тональности, эмоционального маркирования и внутригрупповой идентификации. Материалом послужили данные социальных сетей, мессенджеров и блогов за 2022–2025 годы.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, морфология, морфологическая мутация, языковая игра, прагматическое словоизменение,

эrrатив, сетевая грамматика, грамматическая редупликация, регрессивное словоизменение.

Annotatsiya

Maqola internet muloqotida rus tili morfologik me'yorlarini ataylab buzish fenomeniga bag'ishlangan. Tarmoq diskursida faoliyat ko'rsatadigan grammatik siljishlarning asosiy turlari ko'rib chiqiladi va ularning kommunikativ vazifasiga ko'ra tasnifi taklif etiladi. Morfologik transformatsiyalarning uchta modeli ajratilgan: imitatsion, o'yin va ekspressiv-reduktiv. Regressiv so'z o'zgartirish, nol fleksiya, o'zlashmalarning psevdoturlanishi va grammatik reduplikatsiya hodisalari alohida tahlil qilinadi. Grammatik shaklni tanlash me'yoriy talab bilan emas, balki ohang, hissiy belgilash va guruh ichidagi identifikatsiya vazifalari bilan asoslanadigan pragmatik so'z o'zgartirish konsepsiyasi ilgari suriladi. Material sifatida 2022–2025 yillardagi ijtimoiy tarmoqlar, messenjerlar va blog ma'lumotlaridan foydalanilgan.

Kalit so'zlar: internet muloqoti, morfologiya, morfologik mutatsiya, til o'yini, pragmatik so'z o'zgartirish, errativ, tarmoq grammatikasi, grammatik reduplikatsiya, regressiv so'z o'zgartirish.

Введение

Цифровая коммуникация перестала быть периферийным дополнением к устной и письменной речи — сегодня это полноценная речевая среда со своими законами, нормами и системными отклонениями от них. Если лексический уровень интернет-общения изучен достаточно подробно (описаны процессы заимствования, семантического сдвига, словотворчества), то морфологический уровень остаётся значительно менее освоенной территорией. Между тем именно в грамматике происходят изменения, сигнализирующие о глубинных сдвигах в языковом сознании носителей.

Современный пользователь интернета существует в режиме постоянного переключения между языковыми регистрами. В официальной переписке он соблюдает нормативную грамматику, в дружеском чате — использует одни отклонения, в тематическом сообществе — другие. Эта множественность грамматик в пределах одного языкового сознания представляет собой не хаос, а упорядоченную систему, элементы которой поддаются описанию и классификации.

Наблюдения последних лет показывают, что в интернет-коммуникации формируются устойчивые модели морфологических трансформаций. Речь идёт не о случайных ошибках, а о воспроизводимых, узнаваемых сообществом способах обращения с грамматической формой. Эти явления требуют лингвистического осмысления, поскольку они меняют представление о стабильности морфологической системы и расширяют само понятие грамматической нормы.

Цель работы — описать и систематизировать основные типы намеренных морфологических сдвигов в русскоязычной интернет-коммуникации, а также предложить функциональную классификацию таких трансформаций. Дополнительная задача — выявить и описать явления, не попадавшие ранее в фокус исследовательского внимания, но активно функционирующие в сетевом дискурсе.

Материалом исследования послужили тексты из социальных сетей (Telegram, «ВКонтакте»), мессенджеров (WhatsApp, Discord, ТамТам), платформ пользовательского контента («Дзен», YouTube-комментарии, Rutube), а также имиджбордов и тематических форумов за период с 2022 по 2025 год. Методом сплошной выборки было отобрано около 750 контекстов, содержащих ненормативные морфологические формы.

Морфологическая мутация: норма, ошибка, приём — разграничение понятий

Для корректного описания материала необходимо терминологически разграничить три внешне схожих, но функционально различных явления.

Ошибка — непреднамеренное нарушение нормы, вызванное недостаточной языковой компетенцией или ситуативной невнимательностью. Ошибка не несёт коммуникативного замысла, не рассчитана на узнавание адресатом и воспринимается как дефект речи. Пример: написание *ихний* вместо *их* носителем, не владеющим литературной нормой.

Приём — осознанное отклонение от нормы с целью достижения художественного или стилистического эффекта. Приём всегда мотивирован, индивидуален (имеет автора) и рассчитан на эстетическую реакцию адресата. Пример: использование окказиональных форм в поэзии футуристов.

Между этими полюсами обнаруживается третий феномен — морфологическая мутация. Это намеренное, но анонимное (не имеющее индивидуального автора) отклонение от нормативной грамматики, которое функционирует в пределах определённого сообщества как маркер «своего». Мутация воспроизводится по модели, подобно мему, и её значение понятно только тем, кто включён в коммуникативную среду. В отличие от ошибки, мутация компетентностно обеспечена: носитель знает нормативную форму, но выбирает ненормативную. В отличие от приёма, мутация не претендует на эстетическую ценность — её функция сугубо прагматическая.

Ключевая характеристика морфологической мутации — прагматическая нагруженность. Носитель использует ненормативную форму потому, что нормативная не выполняет нужной коммуникативной задачи: не передаёт иронию, не маркирует принадлежность к группе, не снижает градус

серьёзности. Такой выбор предлагается называть прагматическим словоизменением.

Прагматическое словоизменение отличается от стилистического выбора тем, что стилистический выбор оперирует вариантами в пределах литературной нормы (например, *догово́ры* vs *до́говоры*), тогда как прагматическое словоизменение выходит за её границы, но остаётся при этом коммуникативно осмысленным и социально кодифицированным в пределах сетевого сообщества.

Классификация морфологических мутаций по коммуникативной функции

Анализ собранного материала позволяет выделить три основные модели прагматического словоизменения. Важно отметить, что границы между моделями не являются жёсткими: одна и та же форма может совмещать функции, но доминирующая функция позволяет отнести её к определённому типу.

Имитационная модель

Имитационные мутации воспроизводят грамматические особенности, приписываемые речи определённой социальной группы, персонажа или типажа. Цель — не точная передача реальной речевой практики, а создание узнаваемой стилизации, своего рода грамматического «костюма», который надевает на себя пишущий.

«Язык котиков» и его грамматический строй

Наиболее разработанная в морфологическом отношении имитационная система — так называемый «язык котиков» (также «кошачий язык», «котовый

спич», cat-speak). Несмотря на кажущуюся несерьёзность, этот феномен предоставляет богатый материал для анализа.

Грамматическое ядро «языка котиков» составляет инфинитивная конструкция в позиции сказуемого. Нормативное спряжение последовательно заменяется инфинитивом:

- *я идти спатки* (вместо *я иду спатки* или *я пойду спатки*);
- *он хотеть кушать* (вместо *он хочет кушать*);
- *мы сидеть и грустить* (вместо *мы сидим и грустим*);
- *ты мой любить?* (вместо *ты меня любишь?*).

Инфинитив в данной конструкции утрачивает значение потенциальности или ирреальности, свойственное ему в нормативной грамматике, и приобретает функцию универсального предиката. Это напоминает грамматический строй языков изолирующего типа, где глагол не изменяется по лицам и числам, а грамматические значения передаются аналитически или контекстуально.

Второй элемент грамматики «языка котиков» — регулярное нарушение падежного управления. Наиболее частотные модели:

- замена родительного падежа дательным с перестройкой всей конструкции: *у меня есть лапки* → *мне есть лапки*, *у меня болит животик* → *мне болеть животик*;
- распространение уменьшительно-искажённых форм на позиции, где нормативная грамматика их не допускает: *я на работку* (направление движения вместо местонахождения), *положи в мисочку* (нормативная форма *в мисочку* совпадает, но в контексте инфинитивного сказуемого получает иное осмысление).

Третий элемент — грамматическая редупликация, явление, практически не описанное применительно к русскому материалу. Речь идёт об удвоении

словоформы для интенсификации значения или передачи экспрессии. В «языке котиков» регулярно встречаются конструкции типа:

- *я спатки-спатки* (значение «очень хочу спать, прямо сейчас»);
- *мне вкусняшку-вкусняшку* (значение «очень хочется, дайте немедленно»);
- *ты гладь-гладь меня* (удвоение глагольной основы в императиве для передачи настойчивой просьбы).

Грамматическая редупликация отличается от лексического повтора тем, что при повторе дублируется слово с сохранением всех грамматических характеристик, а при редупликации вторая часть может подвергаться редукции или выступать в фиксированной форме. Сравните: лексический повтор — *я хочу спать, спать, спать* (три полноценных инфинитива); грамматическая редупликация — *я спатки-спатки* (вторая часть усечена до основы или застывшей формы). Это явление заслуживает отдельного исследования, поскольку оно нехарактерно для русского литературного языка, но активно проявляется именно в сетевой среде, вероятно, под влиянием языков, где редупликация грамматикализована (тюркские, ряд азиатских языков), а также под воздействием глобальных интернет-трендов.

Другие имитационные системы

Модель, аналогичная «языку котиков», реализуется в «языке собачек» с некоторыми модификациями. Здесь также доминирует инфинитивное сказуемое, но добавляется специфическая лексика и характерное употребление дательного падежа: *собачке гулять надо, хозяин пришёл — собачке радость*.

Отдельного внимания заслуживает имитация речи персонажей-роботов или искусственного интеллекта. Для этой модели характерны:

- отсутствие согласования по роду в прошедшем времени: *я завершил операцию* (от лица женщины или небинарного субъекта — робот не имеет грамматического рода);
- замена личных форм глагола на безличные конструкции: *задача выполнена, требуется отдых* вместо *я выполнил задачу, мне нужно отдохнуть*;
- пропуск местоимений первого лица: *иду выполнять* вместо *я иду выполнять*.

Эта имитационная система интересна тем, что она конструирует грамматический образ не-человека, и основным инструментом этого конструирования выступают именно морфологические средства — род, лицо, залог.

Игровая модель

Игровые мутации основаны на морфологическом каламбуре — столкновении нормативной и намеренно искажённой формы, порождающем комический эффект. В отличие от имитационных, игровые мутации не создают целостной грамматической системы, а представляют собой точечные вторжения в нормативную грамматику.

Эрративы и их морфологическое измерение

Термин «эрратив» был предложен лингвистом Г. Ч. Гусейновым в начале 2000-х годов и первоначально описывал намеренные орфографические искажения в интернете (наиболее известный пример — «олбанский язык» с его «аффтар жжот» и «превед медвед»). Однако у эрратива есть морфологическое измерение, которое до сих пор остаётся на периферии исследовательского внимания.

Речь идёт о случаях, когда искажается не только написание, но и грамматическая форма. Анализ материала позволяет выделить несколько механизмов морфологической эрративизации:

Замена финали. Наиболее частотный механизм, при котором конечная часть слова заменяется на фонетически близкую, но грамматически иную. Классический пример — *красавчег*. Здесь исходная форма *красавчик* (именительный падеж, единственное число, мужской род) теряет стандартный суффикс *-чик* и получает финаль *-чег*, которая не соответствует ни одной нормативной словообразовательной модели. Однако эта финаль устойчиво опознаётся носителями как маркер интернет-субкультуры середины 2000-х — начала 2010-х годов. Морфологическая структура слова разрушается и заново собирается по игровым правилам.

Другие примеры:

- *аффтар* (от *автор*, с меной корневой гласной и удвоением согласного — затрагивает морфемный стык);
- *печалька* (от *печаль*, добавление диминутивного суффикса к абстрактному существительному — морфологическая конкретизация эмоции, перевод её в разряд исчисляемых и «осязаемых»);
- *няшка* (от междометия *ня* с помощью суффикса **-шк-**, нормативно присоединяемого только к существительным, — создание слова с нуля по продуктивной модели).

Псевдосклонение заимствований. Особая разновидность игровой мутации, при которой неизменяемому или не полностью освоенному заимствованию приписывается русская падежная и видо-временная парадигма. В отличие от нормативного освоения заимствований (которое происходит постепенно и не рефлексивируется носителями), псевдосклонение

демонстративно: носитель нарочито, с преувеличением применяет русскую грамматику к слову, которое этой грамматике «сопротивляется».

Примеры:

- *лайкать, лайкну, лайкнешь, лайкните* — английское *like* получает полную русскую глагольную парадигму, включая видовую пару (*лайкнуть* — совершенный вид);
- *забайтить, забайчу, забайтимся* — от *bait* («приманка», «провокация» в интернет-сленге) образуется глагол с приставкой *за-* и постфиксом *-ся*, то есть слово проводится по всем ступеням русского глагольного словообразования;
- *рофлить, рофлю, рофлишь* — от акронима ROFL (rolling on the floor laughing) образуется глагол второго спряжения;
- *кринжевать, кринжую* — от *cringe* образуется глагол первого спряжения с суффиксом *-ева-*.

В этих примерах важен не столько факт заимствования, сколько способ грамматической обработки. Носитель не просто вставляет иностранное слово в русскую речь, а проводит его через всю словоизменительную и словообразовательную систему, причём делает это нарочито, с игровой интенцией.

Морфологическая паронимия. Игровое сближение слов на основе формального сходства морфем. Пример: *девушка с каре* → *девушка с карем*. Нормативная форма творительного падежа *с каре* заменяется формой, имитирующей творительный падеж существительного мужского рода *карь* (несуществующего в норме), что порождает омонимию с глаголом *карьть* (просторечное «пачкать, портить»). Срабатывает игровая паронимия на морфемном уровне.

Грамматическая гиперболизация

Этот механизм заключается в чрезмерном, избыточном применении грамматического правила там, где норма его не требует. Яркий пример — образование сравнительной степени от слов, которые её в норме не образуют:

- *этот кот мурчавее всех* (относительное прилагательное *мурчащий* или отглагольное *мурлыкающий* получает синтетическую сравнительную степень);
- *ты сегодня грустнеее, чем вчера* (нарочитое удлинение суффикса *-ее* для интенсификации).

Другой пример — плеонастическое употребление суффиксов субъективной оценки, где один и тот же суффикс дублируется: *малюсенький-малюсенький* или, что более показательно, *мал-малюсенький*, где корень *мал-* и суффиксально осложнённая форма *малюсенький* соединяются в одну конструкцию, напоминающую редупликацию в тюркских языках (сравните турецкое *küçük* — «крошечный», образованное частичной редупликацией от *küçük* — «маленький»).

Экспрессивно-редуцирующая модель

Эта модель характеризуется усечением или упрощением грамматической формы для передачи определённой тональности — как правило, пренебрежительной, снисходительной, подчёркнуто расслабленной или агрессивно-пренебрежительной.

Нулевая флексия

Под нулевой флексией понимается опущение ожидаемого окончания в позиции, где нормативная грамматика требует его обязательного присутствия. В отличие от исторических процессов (например, падения редуцированных), нулевая флексия в интернет-коммуникации является синхронным, осознанным выбором.

Наиболее частотные позиции:

- предикатив с нулевым окончанием среднего рода: *это норм* (вместо *это нормально* или *это — норма*), *всё пуч* (от *пучком*, с усечением до корня и нулевой флексией);
- существительное в предикативной позиции: *ситуация — груст* (вместо *грусть*), *настроение — печаль* (форма совпадает с нормативной, но в контексте общей установки на редукцию воспринимается как часть той же модели);
- наречие с нулевым суффиксом: *сделал быстр* (вместо *быстро*), *прошло спокойн* (вместо *спокойно*).

Нулевая флексия в этих примерах выполняет несколько функций. Во-первых, она имитирует телеграфный стиль, экономию усилий, что маркирует неформальность общения. Во-вторых, она создаёт эффект «рубленной» речи, которая может передавать эмоциональную усталость, безразличие или нарочитую небрежность. В-третьих, усечённая форма часто оказывается фонетически более выразительной: односложное *груст* звучит тяжелее, «ударнее», чем двусложное *грусть*.

Унификация падежных окончаний

В русской морфологии есть зоны вариативности, где норма допускает конкуренцию форм. Наиболее известный случай — родительный падеж множественного числа существительных мужского рода: *носков/носок*, *граммов/грамм*, *помидоров/помидор*. В интернет-коммуникации эта вариативность радикализуется: нулевое окончание распространяется на слова, где оно нормативно невозможно.

Примеры:

- *пять котёнков* (вместо *пять котят*, с заменой супплетивной или архаичной формы на регулярную);
- *много дров* → форма совпадает с нормативной, но в ряде контекстов появляется гиперкорректное *много дровов* по аналогии с *домов*, что свидетельствует о действии механизма унификации в обратную сторону;
- *сколько время?* вместо *сколько времени?* (унификация формы родительного падежа с именительным).

Этот процесс можно обозначить как регрессивное словоизменение — стремление заменить нерегулярные, супплетивные или архаичные формы регулярными, построенными по продуктивной модели. В нормативной грамматике такой процесс идёт медленно, столетиями (*договоры* вытесняет *договора*, но процесс не завершён). В интернет-коммуникации он многократно ускоряется и приобретает игровой характер: носитель не просто ошибается, а «примеряет» регулярную форму, проверяя её на удобство и выразительность.

Рассогласование по роду в прошедшем времени

В нормативной грамматике глагол прошедшего времени согласуется с подлежащим в роде и числе. В интернет-коммуникации это правило последовательно нарушается в нескольких случаях.

Первый случай — гендерная игра, когда пользователь намеренно выбирает форму мужского рода, будучи женщиной, или наоборот. Это не ошибка идентификации, а сознательная стратегия самопрезентации: *я пошёл* (пишет женщина), *я устала* (пишет мужчина). Грамматическая форма становится инструментом конструирования виртуальной идентичности.

Второй случай — нарочитая небрежность, когда рассогласование сигнализирует о неформальности, скорости набора, нежелании тратить усилия на согласование: *я пошёл* (пишет женщина без цели гендерной игры, просто «на автомате»).

Третий случай — экспрессивное рассогласование в обращениях к неодушевлённым предметам или животным с приписыванием им грамматического рода, не совпадающего с нормативным: *мой котик, ты такая милая* (коту мужского пола приписывается женский род как маркер нежности).

Регрессивное словоизменение как системный процесс

Явление регрессивного словоизменения заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку оно демонстрирует, как интернет-среда активизирует и ускоряет внутриязыковые процессы, которые в «офлайн-речи» идут крайне медленно.

Под регрессивным словоизменением понимается процесс замены грамматической формы более простой, регулярной или частотной моделью. Этот процесс противоположен прогрессивному усложнению грамматики, характерному для литературного языка на этапе кодификации.

В собранном материале выделяются следующие направления регрессивного словоизменения.

Замена супплетивных форм регулярными. Наиболее яркий пример — образование форм косвенных падежей от местоимений. В детской речи регулярно встречаются формы *ихний, евоный, еёный*, построенные по модели притяжательных прилагательных. Взрослая нормативная речь эти формы подавляет. Однако в интернет-коммуникации они всплывают вновь — уже не как ошибка, а как игровая или экспрессивная форма. Фраза *это ихний дом* в устах взрослого носителя в сетевой среде может быть не ошибкой, а маркером иронии, просторечной стилизации или нарочитой «неграмотности».

Упрощение глагольного управления. Нормативное управление часто идиоматично и требует запоминания: *оплатить проезд, но заплатить за*

проезд; *скучать по вас* (старая норма) vs *скучать по вам* (новая норма). В сетевой среде наблюдается тенденция к унификации: управление выравнивается по наиболее частотной модели. Так, конструкция *оплатить за проезд* (контаминация *оплатить проезд* и *заплатить за проезд*) широко распространена в комментариях и чатах, причём часто употребляется с пониманием её ненормативности — как маркер «простоты» и «народности».

Выравнивание глагольной основы. В русском языке многие глаголы имеют чередования в основе: *любить* — *люблю*, *ходить* — *хожу*, *мочь* — *можешь* — *мог*. В интернет-коммуникации фиксируются случаи выравнивания основы по одной из форм: *люблю* → в шутливых контекстах *любишь* может заменяться на *любю* (*я тебя люблю*), что восстанавливает единообразие основы. Аналогично — *хочу* и *хочешь* могут контаминироваться в *хочю* (*я хочю спать*). Это не безграмотность, а игровое моделирование более простой грамматической системы.

Грамматическая редупликация: постановка проблемы

Одним из результатов анализа материала стало выявление феномена, который предлагается обозначить как грамматическая редупликация. Это явление, при котором словоформа удваивается (реже — утраивается) для передачи грамматического или экспрессивного значения.

В русском литературном языке редупликация как грамматическое средство практически отсутствует. Отдельные случаи (типа *белый-белый*, *давным-давно*, *еле-еле*) носят лексикализованный характер и не образуют продуктивной модели. Однако в интернет-коммуникации редупликация демонстрирует признаки грамматикализации.

Выделяются следующие типы грамматической редупликации в материале.

Интенсивная редупликация. Словоформа удваивается для передачи высокой степени признака или интенсивности действия: *мне грустно-грустно* (очень грустно), *я бежать-бежать* (очень быстро бежать), *он злой-злой* (очень злой). Внешне это похоже на лексический повтор, но отличается от него интонационной и графической слитностью (дефисное написание вместо запятой) и отсутствием паузы при мысленном произнесении.

Итеративная редупликация. Удвоение глагольной формы для передачи повторяющегося или длительного действия: *я сижу-сижу, а его всё нет* (длительное сидение); *читаю-читаю и не понимаю* (многократное перечитывание). В отличие от литературного повтора, который обычно троекратный и оформляется запятыми, итеративная редупликация двучленна и оформляется дефисом, что сближает её с грамматическими показателями итератива в ряде языков.

Фокусная редупликация. Удвоение вопросительного слова или частицы для передачи настойчивого запроса: *ты где-где?* (где именно, скажи точно), *кто-кто пришёл?* (повышенный интерес к субъекту). Эта конструкция грамматикализуется: порядок слов фиксирован, интонационный контур устойчив, значение отличается от простого повтора *где, где?*.

Природа этого явления требует дальнейшего изучения. Можно предположить, что грамматическая редупликация в русской интернет-коммуникации возникает под влиянием двух факторов: во-первых, глобальных интернет-трендов (в англоязычной сети редупликация также активна, ср. *I'm tired tired*), во-вторых, внутренних ресурсов языка, где редупликация существовала в зачаточном состоянии и получила импульс к развитию в неформальной письменной среде.

Прагматическое словоизменение как объяснительная модель

Описанные явления объединяет общий принцип — выбор грамматической формы на основе коммуникативной уместности в конкретной цифровой среде, а не на основе нормативного предписания. Этот принцип предлагается называть прагматическим словоизменением.

Традиционная грамматика описывает словоизменение как жёсткую систему правил. Вариативность допускается, но в ограниченных пределах и с обязательной стилистической маркировкой. Прагматическое словоизменение описывает более широкую картину: носитель имеет в своём распоряжении не один, а несколько грамматических регистров, и выбор регистра определяется коммуникативной задачей.

Можно говорить о следующих регистрах, актуальных для русскоязычной интернет-коммуникации:

- нормативный регистр — грамматика литературного языка, используемая в официальной переписке, публичных постах, деловой коммуникации;
- редуцированный регистр — грамматика с элементами нулевой флексии, унификации окончаний, упрощённого управления, используемая в бытовых чатах и неформальной переписке;
- игровой регистр — грамматика с эрративами, псевдосклонениями, морфологической паронимией, используемая в тематических сообществах, мемной коммуникации;
- имитационный регистр — грамматика, стилизованная под речь персонажа, животного, социальной группы.

Носитель переключается между этими регистрами, часто в пределах одного разговора, и это переключение не является хаотичным. Оно подчиняется правилам, которые можно описать. Например, переход на имитационный регистр «языка котиков» сигнализирует о смене тональности с

серьёзной на игровую, о готовности к неформальному общению, о принадлежности к сообществу, где такой регистр принят.

Прагматическое словоизменение не отменяет нормативной грамматики — оно существует параллельно с ней, расширяя коммуникативные возможности носителя. Более того, способность к прагматическому словоизменению можно рассматривать как проявление высокой языковой компетенции: чтобы намеренно нарушить правило, нужно это правило знать.

Методический потенциал материала

Описанный материал представляет интерес для методики преподавания русского языка как родного и как иностранного. Традиционно интернет-контент воспринимается учителями как источник «порчи языка» и объект для критики. Однако игнорирование этого пласта языковой реальности методически недальновидно.

Формирование функционального отношения к норме. Использование примеров из сетевой коммуникации на уроках русского языка позволяет перевести разговор о норме с позиции «правильно — неправильно» на позицию «уместно — неуместно». Анализируя форму *я иди спать*, ученик не просто квалифицирует её как ошибочную, а определяет: в каком контексте она появилась, какую функцию выполняет, что было бы, если бы автор использовал нормативную форму. Такой анализ формирует более гибкое и глубокое понимание грамматики.

Развитие метаязыковой рефлексии. Задания на определение типа морфологической мутации и её коммуникативной функции заставляют ученика осознанно оперировать грамматическими понятиями — лицо, число, падеж, спряжение, вид, — но не в режиме заучивания определений, а в режиме аналитической работы с живым материалом.

Использование псевдосклонения при изучении глагольного вида. Примеры типа *лайкать* — *лайкнуть*, *забайтить* — *забайтивать* можно использовать при изучении категории вида и способов глагольного действия. Игровой характер этих форм снижает тревожность учащихся перед сложной темой и демонстрирует продуктивность русских словообразовательных моделей на актуальном материале.

Работа с грамматической редупликацией в курсе сопоставительной грамматики. Для классов с полиэтническим составом или курсов русского как иностранного явление грамматической редупликации может стать мостом к обсуждению грамматических систем родных языков учащихся (например, тюркских, где редупликация грамматикализована). Это позволяет вписать русскую грамматику в типологический контекст.

Проведённый анализ показывает, что интернет-коммуникация порождает устойчивые модели морфологических трансформаций, которые не сводятся ни к ошибкам, ни к традиционным литературным приёмам. Эти мутации выполняют конкретные прагматические функции: маркируют внутригрупповую принадлежность, передают эмоциональную тональность, создают игровой регистр общения, конструируют виртуальную идентичность.

Выделенные три модели — имитационная, игровая и экспрессивно-редуцирующая — охватывают основной массив наблюдаемых явлений. В рамках имитационной модели отдельного внимания заслуживает грамматический строй «языка котиков» с его инфинитивным сказуемым и нарушением падежного управления. Игровая модель демонстрирует продуктивность механизмов эрративизации, псевдосклонения заимствований и морфологической паронимии. Экспрессивно-редуцирующая модель включает явления нулевой флексии, унификации падежных окончаний и регрессивного словоизменения.

Концепция прагматического словоизменения, при котором выбор грамматической формы определяется не нормативным предписанием, а коммуникативной задачей, даёт объяснительную рамку для всего массива описанных явлений и позволяет рассматривать их не как деградацию грамматической системы, а как её адаптацию к условиям цифровой коммуникации.

Литература

1. Гусейнов Г. Ч. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // НЛО. — 2000. — № 43. — С. 289–321.
2. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. — М.: АСТ: Corpus, 2013. — 416 с.
3. Лутовинаова О. В. Интернет-коммуникация: язык, жанры, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2009. — 184 с.
4. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 584 с.
5. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте и в интернет-дискурсе: опыт сопоставительного анализа // Русский язык в школе. — 2017. — № 5. — С. 39–44.
6. Тошович Б. Интернет-стилистика. — М.: Флинта: Наука, 2015. — 240 с.
7. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете. — М.: Изд-во РУДН, 2009. — 380 с.
8. Шаповалова Н. Г. Язык интернет-коммуникации: морфологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2019. — Т. 12, № 3. — С. 176–180.

9. Crystal D. Language and the Internet. — 2nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 304 p.
10. McCulloch G. Because Internet: Understanding the New Rules of Language. — New York: Riverhead Books, 2019. — 336 p.